

«Быть солдатом русской культуры»

Интервью с художественным руководителем и главным дирижером Валерием Гергиевым

Имя Валерия Гергиева уже семь лет олицетворяет возрождение Мариинского театра. Сегодня оно известно во всем мире. Только что с огромным успехом труппа и оркестр театра продемонстрировали свое мастерство во Франции, в Театре Елисейских Полей: 15 февраля прозвучала в концертном исполнении опера Дж. Верди «Сила судьбы» (между прочим, партитура написана им специально для Мариинского театра в 1861 году); 16-25 февраля были показаны шесть раз опера А.Бородина «Князь Игорь» и три раза — опера С.Прокофьева «Игрок». В Лионе 26 февраля в концертном исполнении прозвучала опера П.Чайковского «Пиковая дама». В Монпелье 28-29 февраля и 1 марта наряду с операми «Игрок» и «Князь Игорь» была исполнена симфония для оркестра, солистов-певцов и хора Г.Берлиоза «Ромео и Джульетта». Перед отъездом из Парижа В.Гергиев любезно согласился дать интервью корреспонденту нашей газеты.

— Несмотря на трудное время в России, опера Мариинского театра сегодня — одна из лучших в мире. Как объяснить этот феномен?

— Важно знать — чего ты хочешь. Мы собрали определенное количество хороших певцов. Но, конечно, сохранить солистов — очень сложно, потому что на Западе им предлагают контракты с огромными возможностями. Это большое искушение.

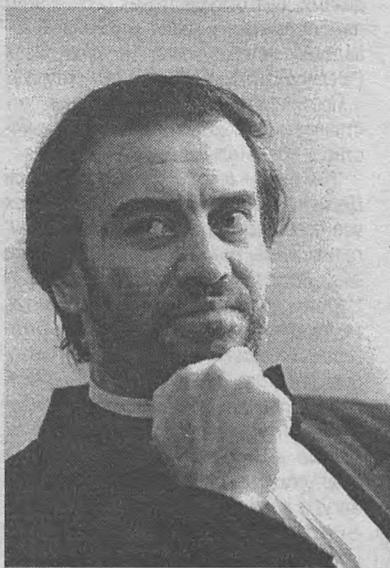
Тем не менее путь только один. Если Мариинский театр предлагает нечто не менее привлекательное, чем западные театры, то артист, имея в своей душе и сердце хоть сколько-нибудь понятия и ощущения родины, обязательно найдет форму выразить себя именно в России, даже в такое сложное время.

Что касается одного из лучших в мире театров, то эта репутация возникла из многослойного коллективного мнения, в основном западных критиков и журналистов. Но самое главное — тот факт, что на наши спектакли невозможно купить билеты. Вчера и позавчера моя родная сестра не могла сесть в зале. Ведь купить билет невозможно. Это подтвердят и французы, и русские. Это и есть признак того, чем является Мариинский театр, в частности его оперная труппа. То же самое было год тому назад. Популярность Мариинского театра в Париже — это выражение симпатии, которую французы к нам испытывают.

Предыдущие гастроли начинались на скептической ноте. Я помню, когда мы показывали «Китеж», кое-кому из французских зрителей опера показалась скучной. Вообще славянская идея, которая выражена в «Китеже», не всем близка, некоторые она даже раздражает. А мне, например, кажется, что это великая опера. Взвзвись это доказать любителям музыки, которые эту оперу не знали, Мариинский театр последовательно показал «Китеж» в Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Гамбурге, Амстердаме. И больше опера не является каким-то мифом, русской сказкой, в основном интересной для детей. Примерно такая была репутация у этого сочинения Римского-Корсакова. Наша историческая миссия — сделать лучшие оперы русских композиторов, такие как «Игрок», «Огненный ангел», достоянием широкой мировой общественности и, конечно, прежде всего нашей, российской.

— Дягилев в начале века прославил русскую оперу и балет. Вы же не только исполняете их на сценах различных городов мира, но и интенсивно записываете на диски. Всего за пять лет сотрудничества с фирмой «Филипп» вы с труппой театра записали 18 компакт-дисков и пять лазерных видеодисков! Вероятно, вы хотите записать все шедевры русского оперного искусства — и не только русского?

— Если вы посмотрите, например, на

Валерий Гергиев.

творчество Герберта фон Караяна, то с фирмой «Дойче граммофон» он записал последовательно на протяжении 30-35 лет не только всю немецкую музыку, но и французскую, много русской классики и некоторые итальянские оперы. Георг Шолти с фирмой «Декка» сделал примерно то же самое: оперы и симфонии, французская и немецкая музыка... Крупный музыкант, наверное, не может быть всеядным, но он может охватить очень многое.

Музыка не делится на английскую и русскую, а делится на хорошую и плохую. Поэтому я не ставлю перед собой таких глобальных задач.

Сегодня можно говорить, что не все, конечно, но многие шедевры русской музыки, вероятно, будут записаны. Мне хочется запечатлеть творчество прежде всего оркестра, хора, а также ведущих солистов — мастеров как предыдущего поколения, старше меня, так и моего возраста, и моложе, т.е. трех поколений Мариинского театра. Рано или поздно они уйдут в историю, но их творчество, их лучшие достижения будут задокументированы.

Это просто грех — не записать «Китеж» с Галиной Горчаковой или «Игрока» с Владимиром Галузиным. Он сейчас молод. Через десять лет это будет другой Галузин, может быть, лучше, но он уже не будет Игроком, азартным мальчишкой. В этом плане ансамбль у нас уникальный.

Не хочу долго останавливаться на оркестре. Но это мой любимый оркестр, и сегодня я не менял бы его ни на какой другой в мире. В какой-то степени я его воспитывал. Там очень много молодых музыкантов, процентов 60. Это те, которые пришли в последние 3-4 года. Я имею в виду, что они заняли ключевые позиции в оркестре, потому что 5-6 лет назад они были на подступах.

Я привлек огромное количество молодежи. А те, которые работают давно, уже выработали совершенно другие понятия, привычки, вкусовые и стилевые устои. В общем, сейчас это совсем другой оркестр, чем даже 6-7 лет тому назад, когда я начинал. Как правило, оркестр играет замечательно, теперь он имеет мировую славу.

Хор у нас очень мощный, яркий и тоже продвигается. Мне кажется, мы и стилистически осваиваем французскую и итальянскую музыку. Правда, с трудом. Хору труднее, чем оркестру, потому что говорить по-французски и петь значительно сложнее, чем играть французскую музыку в оркестре. Но я надеюсь, что общими усилиями мы и там добьемся перелома.

Сейчас очень многое зависит от событий в стране. Они развиваются интенсивно. Россия — это страна, которая на протяжении этого века разрушила монархию, потом были большевики, убили миллионы людей, в войну опять убивали миллионы людей. Даже до сих пор не понятно, кто эту войну начинал. И Гитлер, и Сталин — оба были хороши.

Что я хочу сказать? Всякое бывало. Не удалось только одно — полностью уничтожить культуру. Культура была по-своему сильна и при царях, и при большевиках.

Культура оставалась очень мощным символом того, что нация жива. Для таких людей, как я, при любом режиме одна задача — быть солдатами этой культуры. Чайковский и Мусоргский — вот наши президенты и премьер-министры, мы им подчиняемся. В Мариинском театре жив дух этих композиторов, и его никогда не истребить.

Думаю, этот угар борьбы за власть с иона все-таки будет спадать, и люди опять повернутся лицом к своей стране, а значит, и культуре... Тогда будет какой-то новый период, более стабильный. Мы умудряемся иметь стабильную жизнь, даже несмотря на потрясения, которые театр испытывал в последний год. Я по-прежнему оцениваю потенциал театра как весьма высокий. Наши гастроли это продемонстрировали очень убедительно.

— Вернемся к солистам Мариинского театра. Вы сказали, что сохранить солистов — сложно, многим из них предлагают заманчивые контракты за рубежом.

— Это ведь еще вопрос человеческого достоинства и культуры каждого из певцов. У нас много артистов, которые могут петь хорошо. Но я бы не считал, что все 50 вокалистов Мариинского театра будут иметь мировую карьеру. Большую карьеру могут иметь трое-пятеро. Если я сам уже обладаю в мире каким-то именем, то это результат очень большого труда. Время от времени я дирижирую в Метрополитен-Опера или Коvent-Гарден, на фестивале в Зальцбурге, Берлине или Лондоне, но это иногда, потому что не стремлюсь к большому числу самостоятельных выступлений. Чем больше я нахожусь без театра, тем больше нервничаю, волнуюсь: что происходит в театре? Мне гораздо легче, как сейчас, быть с труппой.

Я желаю успеха всем, кто так или иначе был или будет связан с Мариинским театром. Но меня интересуют люди, которые хотят быть связанными с театром. А тем, которые считают, что он им в тягость, семафор открыт — «зеленый свет» на Запад, на Восток, куда угодно. Чем уж я не занимался, так это не удерживал кого-либо за руку или за ногу, потому что у меня нет комплекса перед Западом.

— С осени прошлого года вы являетесь главным приглашенным дирижером филармонического оркестра Роттердама. Что побудило вас принять руководство этим оркестром? Чем интересна эта работа и каковы ваши проекты в Голландии?

— Меня приглашали многие оркестры. Роттердамский оркестр я знаю очень давно. У меня есть соглашение бывать в Роттердаме семь недель в году, из них три недели — это фестиваль, в котором ключевое значение имеет участие Мариинского театра. Соответственно в этой своей второй работе я предусмотрел контрактом ежегодное приглашение оперной труппы театра. Уже в этом году всю вторую половину сентября Мариинский театр будет показывать в Роттердаме и Амстердаме оперу Прокофьева «Обручение в монастыре» и Стравинского «Соловей». Это малоизвестные русские оперы. На Западе они идут редко.

Через два-три года я увижу, какие дает результаты сотрудничество с Роттердамским оркестром. Я повторяю: это серьезное продолжение моей «мариинской» линии. Я часто привлекаю певцов нашего театра для концертов в Роттердаме. С другой стороны, мне интересно поиграть произведения Малера, Берлиоза, Вагнера. В этом плане репертуар, который не всегда идет в Мариинском театре, я могу осуществить через Роттердамский оркестр. Время от времени я дирижирую Нью-Йоркским филармоническим оркестром. У меня будут концерты с Венским и Лондонским филармоническими оркестрами. Но это изредка. Я не планирую много своих личных выступлений за рубежом. Предпочитаю гастроли с моим любимым театром.

Интервью взял
ВИКТОР ИГНАТОВ

Париж